

Къ вопросу о старыхъ академическихъ тезисахъ и ихъ значеніи для археологіи¹⁾.

Въ небольшомъ собраніи церковныхъ древностей, принадлежащемъ Московской Духовной Академіи²⁾, есть нѣсколько предметовъ, съ дублетами которыхъ намъ не приходилось доселѣ встрѣчаться ни въ богатыхъ публичныхъ археологическихъ музеяхъ, ни въ коллекціяхъ частныхъ владѣльцевъ; не имѣется на нихъ указаній и въ существующей специальной литературѣ. Въ числѣ этихъ униковъ академическаго собранія находятся два обширныхъ, отпечатанныхъ на шелкѣ и довольно хорошо сохранившихся тезиса философскаго диспута, происходившаго въ іюнѣ 1713 года въ Киево-Могилянскоѣ коллегіи, подъ руководствомъ префекта (Scholarum) ея и ординарнаго профессора философіи о. Сильвестра Пиковскаго. И современные наши коллоквиумы, внося всякій разъ замѣтное оживленіе въ довольно монотонную академическую жизнь и нерѣдко привлекая въ ученую среду интересующихся наукою стороннихъ людей, имѣютъ праздничный, иногда очень торжественный, хотя, къ сожалѣнію, и не всѣхъ одинаково радующій видъ. Но несравненно большею торжественностію отличались въ концѣ XVII—первой половинѣ XVIII столл. публичные богословскіе и философскіе диспуты, производившіеся предъ окончаніемъ и среди учеб-

¹⁾ Сообщение, сдѣланное въ засѣданіи отдѣленія церковныхъ древностей XI археологич. съѣзда въ г. Кіевѣ 9 августа 1899 года.

²⁾ Краткія свѣдѣнія объ немъ даны нами въ очеркѣ: Церковно-археологическій музей при Московской Духовной Академіи. Сергіевъ Посадъ. 1895 года.

наго года Кіевскою и Московскою Академіями „для лучшаго ихъ прославленія, для большаго возбужденія прочихъ ко ученію, а паче для защищенія вѣры православныя догматовъ“ ¹⁾. Уже самая цѣль этихъ диспутовъ, столь отчетливо разъясненная въ 1732 году въ донесеніи св. Синоду о ректоромъ Московской Славяно-греко-латинской Академіи Софроніемъ Мѣгалевицемъ, въ нѣкоторой мѣрѣ обезпечивала ихъ успѣхъ. Назначая заблаговременно предметъ для состязанія, профессоръ вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчалъ и самыхъ участниковъ его (*defendentes et impugnantes*), въ діалектическихъ способностяхъ и отличныхъ знаніяхъ которыхъ былъ болѣе увѣренъ, а молодые богословы и философы твердо помнили, что они не останутся безъ руководства и поддержки со стороны своихъ начальниковъ и наставниковъ въ критическія минуты ученаго спора. Начальство, понятно, усиленно заботилось сдѣлать диспутъ возможно занимательнѣе и многолюднѣе. Пѣвчіе изъ учениковъ, по его распоряженію, заблаговременно разучивали приличные случаю духовные канты, пѣніемъ которыхъ обычно начинались и оканчивались тогда публичные диспуты; болѣе талантливые и успѣшнѣйшіе риторы и піиты сочиняли привѣтственные или благодарственные разноязычныя рѣчи и стихи, читавшіеся въ честь тѣхъ или другихъ извѣстнѣйшихъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій въ промежутки между состязаніями; наконецъ, сами же воспитанники ѣздили звать образованныхъ и знатныхъ гражданъ на свой ученый праздникъ ²⁾. О днѣ послѣдняго, какъ и предметъ самыхъ диспутовъ, гласили обширные, нерѣдко красками разрисованные иль гравированными изображеніями покрытые рукописные или печатные листы съ богословскими и философскими положеніями, разсылавшіеся до диспута и

¹⁾ *Смирновъ С. К.*, Исторія Московск. Славяно-греко-латинск. Академіи, стр. 184. Москва. 1855 г.

²⁾ Болѣе подробныя рѣчи о диспутахъ см. у *митроп. Евгенія*: Описан. Кіево-Софійск. собора, Прилож. стр. 224; *Аскоченскаго В.*: Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ, ч. I стр. 285—288; *іером. Макарія Булгакова*: Исторія Кіевской Академіи, стр. 59—60; *Голубева С. Т.*: Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. въ Трудахъ Кіевск. дух. Акад. 1901 г., т. III стрр. 327—328, 385—386; *Смирнова С. К.*: Истор. Славяно-греко-лат. акад., стр. 184—186, 343—345; см. его же: Истор. Троицкой Лаврской Семинаріи, стр. 471—476.

раздававшіеся предъ самымъ началомъ его болѣе почетнымъ гостямъ. Въ Кіевѣ наканунѣ диспутовъ тезисы прибывали иногда къ большимъ воротамъ Братскаго училищнаго монастыря, на подобіе афишъ, для оповѣщенія жителей. Кіевская и Московская Академіи, располагавшія въ то время скудными вообще средствами на самыя насущныя потребности, не скупились однакоже тратиться на эти иногда изъ дорогихъ матерій и богато иллюстрированныя тезисы, въ особенности когда чрезъ своихъ начальниковъ, наставниковъ или питомцевъ подносили ихъ царямъ, кому-либо изъ вельможъ и вообще важныхъ особъ своего времени съ цѣлю обратить ихъ благосклонное вниманіе на себя и свои посильные труды ¹⁾. Рѣдкій изъ ученыхъ іерарховъ конца XVII—первой половины XVIII столл. не былъ почтенъ этою честью. Въ декабрѣ 1707 года, узнаемъ изъ извѣстнаго Діаріуша—дневныхъ записокъ святителя Димитрія ²⁾, „былъ въ Ростовѣ честный іеродіаконъ Стефанъ Прибыловичъ, учитель философіи въ Академіи Московской, который вмѣсто гостинца принесъ ему *дедикованную конклюзію* подъ титуломъ его архіерейскимъ, а подносилъ оную конклюзію публично въ крестовой палатѣ, между Рождественскими торжествами, 26 декемврія“. Имѣющіеся въ церковно-археологическомъ музеѣ Московской Академіи тезисы относятся по своему характеру именно къ разряду посвяtitельныхъ и могутъ дать, особенно при непосредственномъ взглядѣ на нихъ, наглядное и полное представленіе объ этихъ дедикованныхъ конклюзіяхъ, принадлежа по замыслу и художественному исполненію своему къ лучшимъ изъ тѣхъ, которыя уцѣлѣли изъ нихъ до настоящаго времени и уже обнародованы въ печати.

Одинъ экземпляръ нашихъ тезисовъ напечатанъ на плотномъ золотисто-желтомъ, отъ времени только повыцвѣт-

¹⁾ Отличныя оттиски подобнаго рода *подносныхъ* тезисовъ даны Д. А. Ровинскимъ въ Матеріалахъ для русской иконографіи, вып. I—32 (Рафаилу Заборовскому, архіеп. Кіевскому), VII—280 (импер. Екатерины I отъ Московск. Словено-латинск. Академіи), и IX—348, 349 и 350 (Варлааму Косовскому, еписк. Тверскому; Стефану Яворскому, митр. Рязанскому, и Варлааму Ленницкому, еписк. Суздальскому,—всѣмъ тронъ отъ нея же).

²⁾ Сочиненія св. Димитрія, митр. Ростовскаго, ч. I стр. 360. Москва. 1895 года.

шемъ атласѣ ¹⁾ и излагаетъ *установленія философскія* (conclusiones phylosophicae) о душахъ не только на латинскомъ языкѣ, на которомъ обычно тогда диспутировали, но и славяно-русскомъ для большей, понятно, ихъ вразумительности ²⁾. Онъ предназначался Кіевскою Академіей къ поднесенію отъ имени ея чрезъ нѣкоего Гавріила Михаловича, „священной Богословіи и Філософіи слышателя“, извѣстному сподвижнику Петра Великаго, фельдмаршалу графу Бор. Петр. Шереметеву. Въ 60-хъ годахъ XVII вѣка, въ раннемъ юношескомъ возрастѣ, онъ жилъ въ Кіевѣ и вмѣстѣ съ прочими паничами могъ учиться, предполагаютъ, въ Богоявленской Братской школѣ, спасенной отъ окончательнаго закрытія ея въ 1666 году подозрительно относившимся къ преподававшейся въ ней по латино-польскимъ образцамъ наукъ Московскимъ правительствомъ заступничествомъ предъ послѣднимъ его отца, боярина П. В. Шереметева, бывшаго въ то время Кіевскимъ воеводою ³⁾. Весну и лѣто 1713 года Борисъ Петровичъ проводилъ также въ Кіевѣ, гдѣ въ званіи уже главно-командующаго готовилъ русскія войска къ войнѣ съ Турками, по счастію предотвращенной тогда мирнымъ

1) Длина обоихъ тезисовъ 23 вершка, шир. 15 вер.

2) Вотъ въ переводѣ эти установленія: А. „Душа есть дѣйствіе первое тѣлеси естественнаго, въ силѣ жизни имущаго; есть же тройственная: растущая, чувственная и разумная. В. Ни въ одномъ животномъ обрѣтаются многіе души купно, ниже могутъ тако въ животномъ, яко и въ челоуѣку, многіе быти послѣдовательно. Г. Душа разумная есть духовная, душа же растущая точію и душа растущая и чувственная точію суть вещественныя. Д. Ни една душа есть раздѣляющаяся на части естественныя, си есть: на вещь и видѣ; не можетъ такожде раздѣлятися душа разумная на части составныя. Е. Душа скотовъ и злаковъ есть по естеству тлѣнная; душа разумная есть нетлѣнная или безсмертная. Defenduntur publice in Collegio Kyiowo Mohilaeano ab eodem qui supra: assistente sibi Reverendo Patre Sylvestro Rykowski AA: LL: et Phylosophiae ordinario profes: scholarumque ejusdem Collegii Praefecto. Anno D: 1713 Mense Junio Die.

3) Барсуковъ А., Родъ Шереметевыхъ, кн. VI стр. 413—416. Голубевъ С. Т. въ цитов. статьѣ: Труды Кіевск. Дух. Акад. 1901 г., т. III стр. 307—305. „Въ Кіевѣ школа“, поставлялъ на видѣ своему правительству Шереметевъ, „заведена до пріѣзду моего, при прежнихъ воеводахъ, и въ той школѣ нынѣ учатся Кіевскіе жители, всякіяжъ чиновъ люди...“, а перевести (т. е. упразднить) тою старую школу некоторыми мѣры нельзя, потому что Кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе“.

договоромъ, заключеннымъ съ Турціей Шафировымъ. Приглашая къ себѣ на диспутъ рѣдкаго гостя, котораго не безъ основанія называла въ посвященіи къ тезисамъ своимъ „преизящнѣйшимъ благодѣтелемъ“, Академія желала, разумѣется, полного успѣха въ предстоявшей ему тяжелой борьбѣ съ невѣрными и вмѣстѣ напоминала, что исходъ ея зависитъ не отъ однихъ его личныхъ качествъ, что всѣмъ этимъ старымъ преславнымъ вождямъ: Александру, Цезарю и Ганнибалу „не своя естественная крѣпость и мужество, но божественная горячая Десницы сила премногія торжественныя дарова побѣды“. Въвѣряя жизнь полководца со всѣми русскими воинами „извѣстной хранилищницѣ и всемогущей рода христіанскаго заступницѣ“, Академія напутствовала его „истиннымъ изображеніемъ“ чудотворной, благоговѣнно чтимшейся всѣми тогда, какъ и теперь, Кіево-Братской иконы Ея, занимающимъ все мѣсто надъ тезисами, посвященіемъ вокругъ герба графовъ Шереметевыхъ ¹⁾ и надписью подъ

¹⁾ Кругомъ герба, украшеннаго арматурой и состоящаго изъ короны съ крестиками въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ нимъ дерева и двухъ львовъ на заднихъ лапахъ по сторонамъ, нижеслѣдующее посвященіе: „Крѣпкое оружіе Дѣва Марія да будетъ Сіятелившему и превосходительнѣйшему графу, его милости, господину Борису Петровичу Шереметеву, Его царскаго пресвѣтлаго Величества учрежденному надъ войсками коммендующему, первому генералу фельтмаршалу, главному тайныхъ государственныхъ дѣлъ совѣтнику, славнаго чина святаго апостола Андреа свѣдѣтельствовавшему военному кавалеру Малтійскому и прочіихъ ординаровъ, его графскому превосходительству, ополчающемуся на враги креста Христова. Никтоже толь дерзновенно противъ враждебныхъ ополчается навѣтовъ, яко той, же Вышняго его укрѣпляетъ и утверждаетъ Десница. Сіятелившій и Превосходительнѣйшій Графъ, преизящнѣйшій Благодѣтелю нашъ! Аще славятъ мнози непобѣдимаго Александра, ему же (в) весь міръ не могли одолѣти, аще хвалами возносятъ древній Римъ непреодолимнаго Кесаря, аще послѣжде Кароагена своего множествомъ побѣдъ гордящагося прославляетъ Аннібала: но симъ всѣмъ преславнымъ вождомъ не своя естественная крѣпость и мужество, но Божественная горячая Десницы сила премногія торжественныя дарова побѣды. Кто убо и здѣ усумнится надѣяться преславной и отъ всея Великія и Малыя Россіи вожделѣнной побѣды, егда Тя собственнымъ чудотворнымъ, преблагословенныя Богородицы Маріи видимъ укрѣпленнаго защищеніемъ? Не ужаснется сердце твое находящихъ Агарянскихъ полчищъ, ниже устрашится вои Россійетин ищущаго погибели нашея супостата, аще имаши присутствующую Тебѣ выну Вышняго Царя силу Матерь. И воистину кто болшую помощь имѣти можетъ противъ врага креста Христова, прегордаго

образомъ, въ которой разсказывается краткая исторія чудеснаго приплытія его по Днѣпру изъ Вышгорода въ Кіевъ 1).

Другой экземпляръ нашихъ тезисовъ отпечатанъ 2) на тонкой, въ сгибахъ просѣкшейся бѣлой шелковой ткани и поднесенъ былъ Академіей сверстнику, а можетъ быть и товарищу гр. Б. П. Шереметева по старой Кіевской школѣ, митрополиту Іоасафу Кроковскому 3), портретъ котораго, представленнаго en face, въ клобукѣ, мантии и напереномъ крестѣ, съ благословляющими именованно руками, и со-

реку МахOMETANA, яко всемогущую рода христіанскаго Заступницу Дѣву Марію, Ея же невидимымъ предстательствомъ единъ поженеть тысящу и два двигнуть тмы. Будеть сія, яко несум(в)ѣнно надѣмся, всегда ополчая окрестъ тебе и укрѣпляя оружіе твое. Сію убо извѣстную Хранителницу, сіе крѣпкое и непобѣдимое оружіе Сіятелству Вашему, вооружающемуся на злославныя бѣсурманы, въ рупѣ предаю. Сія же да предасть враги отчества Россійскаго въ рупѣ пресвѣтлаго Монархи нашего, всемирно желая, Вашего сіятелства нижайшій рабъ и подножокъ Гавриилъ Михаловичъ, священной Богословіи и Філософій слышатель“.

1) Вотъ эта надпись: „Истинное изображеніе чудотворнаго образа пресвятой Богородицы Братской Кіевской, іже прежде в Вышгородѣ намѣснимъ бѣ в церкви сс. страстотерпецъ князей Россійскихъ Романа и Давида. В лѣто **АѤЗВ** (1662), егда же татаре з Вышгорода хотѣша на плѣненіе христіанъ за Днѣпръ преплести, сотворше себѣ плыти, тогда и сію икону единъ татаринъ взя и пли на ней. Но, Божіимъ изволеніемъ, бура велія, воставши, всѣхъ тамо Агаранъ потопи; токмо сей на образѣ невредимо под Кіевъ припли и просто (противо) монастыря Братскаго чудовнѣ, ібо волнамъ внизъ износящимъ и не хотящу татарину, ста и до того стояше сія Божественная з Агараномъ Ікона, донелѣже, пришедше, іноци Братскіе взяша честно и поставиша в церкви тѣхже сс. князей Борнса и Глѣба. Сіе чудо видючи, припливіи на семъ св. образѣ татаринъ вѣрова и крестися. Чудотворная же сія Ікона от того времени на всякъ часъ и донинѣ не престае в обители св. Братской чудодѣйствовати“.

2) Тезисы (conclusiones ex universa phylosophia) изъ логики, фізики и метафізики переданы только по латыни, такъ какъ лицо, которому они подносились, не нуждалось въ ихъ русскомъ переводѣ.

3) Вызванный въ 1718 году Петромъ Вел. въ С.-Петербургъ, предполагаютъ, по дѣлу царевича Алексѣя Петровича и проѣзжая чрезъ МСКВУ, Кроковскій былъ у графа Б. П. Шереметева и скрѣпилъ 28 марта своею подписью его духовное завѣщаніе. Было ли это продолженіемъ ихъ старыхъ товарищескихъ отношеній, или несчастный іерархъ искалъ у сильнаго вельможи заступленія предъ разгнѣваннымъ на него царемъ, — неизвѣстно. *Барсукова* Родъ Шереметевыхъ, VI т. стр. 416; *Аскоменскаго*: Кіевъ съ его училищемъ, ч. II стр. 19—21.

ставляетъ центръ украшающихъ тезисы гравированныхъ изображеній. Позади святителя, на Подолѣ, высится къ небу величественный Богоявленскій Братскій храмъ, а непосредственно надъ нимъ, въ облакахъ, изъ-за отверстыхъ и поддерживаемыхъ двумя ангелами завѣсъ виднѣтся въ двойномъ лучистомъ сіяніи Богоматерь съ распростертымъ надъ Кіевомъ, его училищемъ и архипастыремъ омофоромъ, окруженная небесными покровителями города съ орудіями ихъ прославленія и архіерейскими инсигніями въ рукахъ ¹⁾. Вправо отъ митрополита и храма пять олицетворенныхъ наукъ съ ихъ атрибутами въ ногахъ и съ надписью на свиткѣ въ рукахъ парящаго надъ головами ихъ генія: *Nas exquisivi a juventute mea* — сихъ разыскалъ съ юности моея, а за ними въ отдаленіи нагорная часть стараго Кіева съ видомъ, вѣроятно, Михайловскаго монастыря и колоколни впереди его и съ любопытною въ топографическомъ отношеніи группю на горѣ и спускѣ къ Подолу деревянныхъ и каменныхъ зданій и въ числѣ ихъ, думаемъ, церковей Андреевской, Десятинной и Трехсвятительской ²⁾. Налѣво отъ святителя изображена Паллада въ воинскихъ доспѣхахъ, съ щитомъ и знаменемъ и множествомъ устремившихъ свои взоры къ владыкѣ учениковъ въ подпоясанныхъ кушакомъ кафтанахъ и киреяхъ, съ опущенными по околышу мурmolками въ рукахъ. Они вышли и столпились возлѣ

¹⁾ Какъ бы подавая митр. Іоасафу, они держатъ—ап. Андрей архіерейскій посохъ, св. княгиня Ольга митру, в. кн. Владиміръ копіе въ шуйцѣ и трикирій въ десницѣ и великомуч. Варвара мечъ въ лѣвой и дикирій въ правой.

²⁾ Кромѣ архитектуры и мѣстоположенія храмовъ думать такъ насъ заставляеть и то обстоятельство, что тезисы, посвященные митр. Іоасафу Кроковскому, должны были служить, по мысли художника, иллюстраціей къ главнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ послѣднимъ въ званіи ректора и митрополита Кіевскаго. За время управленія его Академіей и Братскимъ монастыремъ приписанныя къ послѣднему Трехсвятительская и Воздвиженско-Андреевская церкви были возобновлены; благодаря архипастырскимъ заботамъ его былъ благоустроенъ Златоверхій Михайловскій монастырь и поддержанъ въ своемъ существованіи Десятинный храмъ. *Голубева С. Т.* Къ исторіи Кіевской Трехсвятит. церкви, стр. 12—13 и далѣе. Кіевъ, 1899; „Гедеонъ Одорскій“ — ст. въ Труд. Кіев. Духовн. Акад. 1900 г., т. III стр. 593, 614—619; „Кіевская дух. Академія“ — Тамъ-же, 1901 г. т. III стр. 349—350, 386 и др. *Закревскаго Н.* Описание Кіева, т. II стр. 526—527.

огромнаго портала обширнаго двухъ-этажнаго, украшеннаго по лицевой сторонѣ тяжелою аркадой каменнаго зданія съ такъ называемою голландскою кровлею, а надъ нимъ вверху рогъ Амалфеи, изъ котораго въ видѣ разныхъ ученическихъ принадлежностей обильно изливаются на учащихся благодѣянiя Кіевскаго архипастыря, о чемъ и гласить надпись на свиткѣ: *Omnibus affluenter*, поддерживаемомъ гениемъ. Ниже святителя его митрополичей клейнодъ — щитъ, украшенный по верху митрою, двоерожнымъ посохомъ и путнымъ крестомъ, а вся середина его занята подобіемъ шатра ¹⁾, подъ гостепрiимною сѣнiю котораго, припадая къ стопамъ Іоасафа Кроковскаго, и молить укрыть, въ ожиданiи диспута, своего Аристотеля два года изучавшій его въ Академіи студентъ богословія и философіи и членъ Маріинаго братства Димитрій Силичъ ²⁾. По сторонамъ щита, какъ разъ подъ фигурами наукъ и учащихся, въ двухъ овалахъ (картушахъ) пространное, нѣсколько поясняющее украшающія тезисы изображенія и по обычаю того времени витиеватое посвященіе, сущность котораго кратко передана въ словахъ: *Vonum est hic manere*—хорошо здѣсь быть, помѣщенныхъ на свиткѣ поверхъ всей гравюры. Посвящая философскій диспутъ бывшему ректору и выдающемуся профессору своему, благодарная коллегія помощію художественныхъ иллюстрацій выражала свою задушевную мысль, что хорошо ей жилось и живется въ этомъ зданіи, подлѣ величественнаго храма и подлѣ управленіемъ іерарха съ ранней молодости горячо отдавагося наукѣ и много содѣйствовавшего ея процвѣта-

¹⁾ Въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора мы видѣли одинъ изъ вкладовъ Іоасафа Кроковскаго — серебряное средней величины блюдо (№ 8) почти съ такимъ же гербомъ или клейнодомъ, украшеннымъ по угламъ еще инициалами: I. K. A. P. (Іоас. Крок. Архим. Печерскій).

²⁾ Не случайно, конечно, тезисы были поднесены митрополиту консиліаріемъ Маріинаго собранія (*Marianae sodalitatis consiliario*). Студенческая конгрегация, учрежденная еще Петромъ Могилою и временно прекратившiя свое существованіе, были возобновлены именно Іоасафомъ Кроковскимъ (*Голубевъ С. Т. „Кіевск. Академія“ въ Трудахъ 1901 г., т. III стр. 324, 381—382*) и считали себя подлѣ покровительства пресв. Дѣвы Маріи, „Собранія младенческаго сыновъ своихъ“, скажемъ словами Прокоція Колачинскаго, „покровомъ святымъ соблюдающей“ (тамъ же, III стр. 382). Последняя мысль и яшла художественное выраженіе на нашемъ тезисѣ въ изображеніи Богоматери съ распростертымъ надъ Академіей омофоромъ.

нію въ Академіи, отечески все время заботившагося о благосостояніи послѣдней и самимъ небомъ благословляемаго за свои труды.

Различные по своимъ гравюрамъ и содержанію обои тезисы объединяются мѣстонахожденіемъ изображенныхъ на нихъ предметовъ и имѣютъ помимо историческаго мѣстный археологическій интересъ, внося нѣсколько новыхъ подробностей въ исторію Братской иконы Богоматери, Богоявленской церкви и стараго зданія Кіевской Академіи. Насколько велико и очевидно для всякаго значеніе древнихъ и особенно чудотворныхъ иконъ въ религіозной жизни нашего народа, настолько же темна и мало разъяснена въ наукѣ ихъ живописная исторія. Охранныя соборныя, монастырскія и церковныя описи ея почти не касаются, занимаясь по весьма понятнымъ причинамъ ризами, вѣнчиками и цатами иконъ и при этомъ отличаясь изумительной полнотой въ перечисленіи украшающихъ ихъ драгоценныхъ камней, жемчуга и прочаго узорочья. Новѣйшіе описатели нашихъ святыхъ и древностей, не опуская изъ виду той же стороны, подробно рассказываютъ о чудесахъ той или другой иконы, но довольно рѣдко и очень мало говорятъ объ ихъ духоженственномъ исполненіи, композиціи, покрывающихъ ихъ надписяхъ ¹⁾. Да и трудно бываетъ изъ-за стекла или слюды разсмотрѣть часто потемнѣвшіе отъ времени лики святыхъ, тѣмъ болѣе проникнуть подъ тяжелые, ревниво оберегаемые драгоценные оклады. Случаи снятія послѣднихъ съ иконъ, которыми надлежало бы пользоваться современной археологіи, рѣдки, и проходятъ они у насъ какъ-то никѣмъ не замѣченными изъ ея дѣятелей. А между тѣмъ съ передѣлкою или украшеніемъ окладовъ, съ замѣной старыхъ новыми почти всегда соединено бываетъ поновленіе самыхъ иконъ, зависящее отъ умѣнья и опытности иконописнаго мастера, который, исправляя ветхости, легко можетъ за снятіемъ олифы далеко пойти въ дѣлѣ оживленія красокъ. Въ виду сказаннаго и разнаго рода другихъ случайностей старыя копіи съ нашихъ древнихъ и чтимыхъ иконъ, будутъ ли

¹⁾ О чудотворной иконѣ Братской Божіей Матери см. у *Аскоченскаго*: Кіевъ съ его древн. учил. ч. I стр. 209, 346, и болѣе обстоятельно у *Мухина Н.* Кіево-Братскій училищный монастырь, стрр. 94—96, 205, 219, 233, 278—280.

онѣ живописныя или гравированныя, могутъ имѣть немаловажное значеніе для ихъ исторіи. Правда, послѣднія не передаютъ красокъ подлинниковъ, представляютъ по большей части ихъ лики и вообще рисунокъ рѣзче и не столь мягко, какъ кисть живописца, но зато наглядно и отчетливо знакомятъ съ самыми композиціями и орнаментомъ иконъ.

„Истинное изображеніе“ Братской иконы Богоматери, помѣщенное на предназначавшихся для графа Шереметева тезисахъ и гравированное, предполагаемъ на основаніи монограммъ находящихся внизу, на хитонѣ Богородицы, не безызвѣстнымъ въ началѣ XVIII вѣка въ Кіевѣ граверомъ Іоанномъ Стрѣлбицкимъ (I. Strzlbickiy) ¹⁾, занимаетъ третье по времени изъ извѣстныхъ намъ древнихъ снимковъ съ образа и безспорно первое между ними по величинѣ (дл. 10 в. ш. 8 в.) и своимъ художественнымъ достоинствамъ мѣсто ²⁾. Небольшія и посредственныя гравюры Микгуры въ отношеніи исполненія, силы и чистоты оттиска, а главное вѣрности оригиналу не могутъ идти въ сравненіе съ нашею высоко—художественною копіей. Сопоставляя послѣднюю съ

1) Свѣдѣнія объ немъ у Ровинскаго: Русскіе граверы и ихъ произведенія, стр. 29, 126, 130, 228, 291—292. М. 1870 г.

2) Еще *Аскоченскимъ* былъ найденъ въ Кіевскомъ академическомъ альбомѣ рисунокъ Братской иконы Богоматери, сдѣланный въ 1706 году славившимся тогда въ Кіевѣ граверомъ и митрополитскимъ архидіакономъ Іларіономъ Микгурой (Кіевъ съ древн. учил. ч. I стр. 346, 304—305, 359—360; ч. II 495—496; см. *Ровинскаго* Слов. грав. портрет. т. I, 472—473; т. II 1213—1214; т. III 1957). Въ массѣ недавнихъ оттисковъ съ старыхъ гравировальныхъ досокъ Кіево-Печерской типографіи, хранящейся въ музеѣ Кіевской Академіи, намъ попалась гравюра съ изображеніемъ Братской иконы Богоматери и работы того же Микгуры 1704 г., презентованная имъ Гедену Одорскому, „православному архимандриту Батуринскому свято-Никольскому Крупецкому“. За исключеніемъ одинаковыхъ вѣнцовъ на Спасителѣ и Богоматери да находженія изображеній ангеловъ по странамъ главы послѣдней, рисунки 1704 и 1706 гг. различны между собою. На первомъ изъ нихъ Богоматерь представлена въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ на второмъ, съ тонкими, но невѣрными чертами лица, въ одеждѣ, украшенной звѣздой на плечѣ и драгоценными камнями по краямъ. На второмъ—Она съ болѣе крупнымъ оваломъ, въ великолѣпномъ изъ колоннъ, украшенныхъ кринами, священныхъ изображеніями и эмблемами крѣтъ, поставленномъ на возвышеніи. На ступенькахъ его святыя покровители Кіева, а прямо подъ иконою Богоматери сказаніе о приплытіи ея изъ Вышгорода, сходное по содержанію, но нѣсколько отличное по изложенію отъ вышеприведеннаго.

современными фототипическими снимками съ Братской иконы и самымъ подлинникомъ, насколько онъ доступенъ наблюденію, съ перваго же взгляда нельзя не замѣтить ихъ существеннаго сходства въ лицахъ и доличномъ: въ очертаніяхъ главъ, оваловъ и самомъ выраженіи ликовъ, въ положеніи и власахъ Богомладенца, въ одеждахъ и ихъ складкахъ, въ поляхъ иконы и общемъ характерѣ покрывающаго ихъ травного орнамента. Различіе между ними усматривается небольшое и въ подробностяхъ второстепенныхъ: въ нѣсколько иномъ, болѣе сложномъ и изящномъ устройствѣ вѣнцовъ вокругъ главъ Богоматери и Спасителя на теперешнемъ окладѣ иконы, въ прибавленіи къ нему дорогого ожерелья, въ покрытіи орнаментомъ частей, ранѣе остававшихся непокрытыми, и замѣнѣ по мѣстамъ травъ его цвѣтами. Последнее зависѣло, вѣроятно, отъ чекащика оклада, не точно передавашаго въ немъ то, что находится на самой иконѣ, а богатое убранство послѣдней—дѣло набожности и религіознаго усердія Кіевлянъ къ своей благоговѣнно чтимой святынѣ. Есть въ нашей копіи, какъ и въ обоихъ рисункахъ Микгуры, лишь одна замѣтная особенность: это присутствіе въ верхнихъ углахъ ея по ангелу съ лиліями въ одной рукѣ (на рисс. Микгуры, повидимому, съ пальмов. вѣтвями) и поддерживающихъ съ противоположныхъ сторонъ корону на главѣ Богоматери другою. Ихъ живыя позы, умѣлая драпировка и покрой одѣянія, широкая и свободная манера всего вообще исполненія, наконецъ самое мѣстонахожденіе не оставляютъ сомнѣнія въ не-византійскомъ происхожденіи этой иконографической детали ¹⁾. Нельзя думать, чтобы Кіевская Академія, помѣщая на тезисахъ публичнаго диспута „истинное изображеніе своего чудотворнаго образа“, позволила граверу по соображеніямъ художественнымъ или какимъ-либо другимъ отступить въ данной подробности отъ оригинала. Остается предположить, что или одно изъ поновленій (послѣ 1713 г.) Братской иконы, раздѣлявшей далеко не всегда счастливую судьбу Кіевского училищнаго монастыря, устранило съ нея фигуры ангеловъ, какъ одинъ изъ слѣдовъ западнаго вліянія на южно-русскую иконопись, или

¹⁾ По словамъ г. *Мухина* икона Братской Божіей Матери— „южно-русского письма“ (цитов. соч. стр. 279).

же, что представляется намъ болѣе вѣроятнымъ, позднѣйшій окладъ не точно воспроизводитъ украшенія иконы и скрываетъ подъ собою интересующую насъ иконографическую подробность—изображенія ангеловъ. Правда, послѣднихъ нѣтъ на живописныхъ и сравнительно-недавнихъ большихъ размѣровъ снимкахъ съ Братской иконы Божіей Матери, находящихся въ конгрегаціонномъ залѣ Кіевской Академіи и самомъ монастырѣ (запасный, носимый въ крестныхъ ходахъ), но по словамъ лицъ, на глазахъ которыхъ писались обѣ копии, онѣ дѣлались съ подлинника безъ предварительнаго снятія съ него сплошной тяжелой ризы.

Тезисъ съ отличнымъ портретомъ митр. Іоасафа Кроковскаго, съ которымъ совсѣмъ не сходенъ новый, повѣшенный въ той же залѣ торжественныхъ собраній только что названной Академіи ¹⁾, сколько любопытенъ для ознакомленія съ внѣшнимъ видомъ Кіевского святителя и малорусскаго студента первой четверти XVIII стол., столько же интересенъ по изображеніямъ представленныхъ на немъ зданій и прежде всего главной, Богоявленской церкви Братскаго монастыря, въ которой стоитъ нынѣ чудотворная икона Богоматери. Приблизительное время построенія ея, какъ и имя ктитора, давно были извѣстны въ мѣстномъ преданіи и литературѣ, но лишь недавно сравнительно подтверждены и разъяснены документальными данными ²⁾. Начатая кладкой въ 1690 го-

¹⁾ Стариннаго портрета митр. Іоасафа, хранящагося въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, о которомъ говоритъ *Аскочевскій* (цит. соч. ч. II стр. 21, 498), намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть.

²⁾ Покойный проф. П. Г. Лебединцевъ въ своихъ „Историческихъ замѣткахъ о Кіевѣ“ (Кіевск. Стар. 1884 г. № 10) первый указалъ на относящееся къ данному вопросу письмо Мазепы къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ отъ 21 мая 1693 года. Проф. *Голубевъ* въ 106-мъ примѣчаніи къ своей статьѣ о Геденѣ Одорскомъ (Тр. К. Д. А. 1900 г. т. III стр. 613—614) почти полностью напечаталъ это письмо съ выдержкой изъ отвѣтной на него грамоты царей отъ 12 сент. 1693 г. Въ виду небольшого объема письма и допущенныхъ почтеннымъ издателемъ неточностей, считаемъ не лишнимъ переиздать его здѣсь. „Іванъ Мазепа гетманъ з войскомъ вашего царского пресвѣтлого величества Запорозкнмъ, нынѣ упадаючи предъ пресвѣтлымъ вашего царского пресвѣтлого величества престоломъ, у стопы ногъ монаршихъ смиренно челомъ бѣю. Подрадилъся мнѣ москвичинъ, камяного дѣла мастеръ, Іосифъ Дмитривъ виставити в Кіевѣ двѣ церкви камяныхъ: одну у монастырѣ Братскомъ святыхъ Богоявленій, а другую у монастырѣ Пустинномъ святого чудотворца Ни

ду¹⁾, Богоявленская церковь, какъ и Пустынно-Николаевская, хотя строилась небезостановочно, по винѣ каменныхъ дѣлъ мастера, но можно думать, что главныя работы по ея сооруженію были окончены въ первые же годы управленія Братскимъ монастыремъ Іоасафа Кроковскаго (15 іюня 1693 г.—29 іюня 1697 г.)²⁾. Подрядчикъ Іосифъ Дмитріевъ, вернуть котораго въ Кіевъ къ достройкѣ церкви просилъ Мазепа царей, бѣжалъ въ 1693 году на другую работу больше всего, вѣроятно, отъ окончательныхъ подѣлокъ, требующихъ для себя много времени, но далеко не всегда, по понятнымъ соображеніямъ, оговариваемыхъ въ рядныхъ записяхъ. На извѣстномъ планѣ Кіева 1695 года³⁾ обѣ церкви показаны совершенно достроенными⁴⁾ и почти одинаковыми: о трехъ олтарныхъ полукружіяхъ, съ большой средней главой и тремя меньшими

колая, за яко(е) обоихъ церковь дѣло уже я ему, ма(йстру), подлугъ умовы, отдаемъ усѣ денги, именно пят тысячъ руб(левъ), такъ же (?) борошно и солоини (отда)лемъ, а дѣлъ церквей оныхъ еще много не приведено в свое совершене. А нынѣ теды слышу я, что онъ, преречовый мастеръ, не едучи в Кіевъ, невѣдомо, чи по указу вашому монаршому, чи по своей ему волѣ, отдаляется на вѣкую роботу в Смоленскъ, чрез якое его, майстра, отдаленіе дѣло преречовыхъ церквей Кіевскихъ, чрез него созидаемое, муситъ продолжитися в дальное время; про то я, вѣрный вашего дарского пресвѣтлого величества подданный, под ноги пресвѣтлого вашего монаршого престола упадаючи, многократно челомъ бью и яко найпокорствениѣе прошу, дабы вы, великкии государи, милостиво указати изволили, чтобъ онъ майстеръ, оставивши Смоленскую дорогу, высланъ былъ в Кіевъ для докоиченья около церквей помененихъ, должное и належитое свое по уговору работи. О чомъ премилосердное ваше монаршое милости будучи надеженъ, оной же преднайпокорствениѣе отдаю мене навсегда. 3 Глухова мая 21 д. року 1693. Письмо, за подписью Мазепы, хранится въ Малоросс. дѣлахъ 1693 г., за № 901—886, Главн. Моск. Архива Минист. Иностранн. Дѣлъ.

¹⁾ Она заложена одновременно съ Пустынно-Николаевскою, а эта основана 7 іюня 1690 г. *Закревскаго* Описание Кіева, т. II стр. 753—754; см. ст. проф. *Голубева*, прим. 107, стр. 618.

²⁾ *Строева* Списки іерарховъ и настоят. монаст., ст. 18.

³⁾ Хранится въ Главномъ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ; издавъ въ маломъ противъ подлинника размѣрѣ Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Оригиналъ былъ на выставкѣ XI-го археолог. съѣзда въ Кіевѣ.

⁴⁾ Какъ о построенныхъ говорится объ нихъ и въ панегирикѣ, сочиненномъ на Польскомъ Филиппомъ Орликомъ въ честь Мазепы и напечатанномъ въ Вильнѣ въ 1695 г. (*Закревскаго* Опис. Кіева, т. II стр. 754).

впереди ея, съ восточной стороны¹⁾. Болѣе отчетливое и полное представленіе о первоначальномъ видѣ Богоявленскаго храма можно получить изъ разсмотрѣнія поднесенной въ 1706 году выше поименованнымъ Микгурою гравюры Мазепѣ²⁾ и особенно нашего тезиса, гравированнаго въ 1713 году іеромонахомъ Никодимомъ Зубржицкимъ³⁾. Хотя изъ шести представленныхъ Микгурой храмовъ, заново построенныхъ или же только реставрированныхъ гетманомъ, и трудно, за отсутствіемъ надъ ними подписей, съ безспорностію выдѣлить и указать Богоявленскій, но предполагаемъ, что онъ изображенъ влѣво отъ седмистолпной сѣни съ орломъ. Онъ многоглавый и подобно прочимъ пяти украшенъ надъ единственною входною дверью—на самомъ видномъ мѣстѣ — гербомъ строителя⁴⁾. Сходно съ гравюрой Микгуры, но только несравненно лучше, изображенъ Зубржицкимъ несомнѣнно подольный Богоявленскій Братскій храмъ на поднесенныхъ митр. Іоасафу Кроковскому тезисахъ іюньскаго диспута 1713 года. Здѣсь мы видимъ его о седми главахъ, а не пятиглавымъ, безъ притвора, пристроеннаго со входной стороны между выступными частями храма, поддерживающими западные куполы, очевидно когда-то позднѣе. Въ покрытіяхъ его куполовъ и фронтоновъ, въ карнизахъ и окнахъ, всеі раздѣлкѣ и убранствѣ фасадовъ произошли также весьма замѣтныя измѣненія. Храмъ не разъ страдалъ отъ огня: въ октябрѣ 1864 г. горѣла юго-западная башня его, показанная съ часовымъ циферблатомъ на нашей гравюрѣ; въ іюлѣ 1811 г., въ страшный пожаръ, бывший на Подолѣ, верхъ храма до

1) Находились ли эти меньшія трн надъ сводами олтарной конхи и приолтарныхъ отдѣленій, или двѣ боковыя изъ нихъ были придвинуты нѣсколько къ западу,—изъ плана ясно не видно; какъ будто послѣднее. О первоначальномъ видѣ Пустынно-Николаевской церкви, въ частности о покрытіи ея, можно еще судить по изображеніямъ ея на планахъ 1713 и 1719 гг., находящихся въ Церковно-археолог. музеѣ при Кіевск. дух. академіи.

2) Издана дважды Д. А. Ровинскимъ—въ большемъ размѣрѣ въ Матеріалахъ для русск. иконогр. вып. I рис. 33, въ меньшемъ — въ Подробн. слов. грав. портрет. т. II ст. 1214.

3) На тезисѣ ниже посвященія: Nicodemus Zubrzyckj sculpsit Kijoviae. Anno 1712. О Зубржицкомъ см. у Д. А. Ровинскаго: Русскіе граверы и ихъ произведенія, стр. 211—214.

4) См. *Закревскаго* Опис. Кіева т. I стр. 159.

того пострадалъ, что обрушились нѣкоторые изъ куполовъ его. Полупровалившійся сводъ юго-западной башни, устройство изъ обгорѣлаго, повидимому, дерева восточныхъ главъ его, задѣлка оконъ въ однихъ мѣстахъ и полузакрытіе ихъ кровлю въ другихъ довольно краснорѣчиво повѣствуютъ объ этой печальной судьбѣ храма ¹⁾. Но когда онъ утратилъ двѣ среднихъ боковыхъ главы изъ показанныхъ семи на нашей гравюрѣ,—отвѣта на это нужно искать, главнымъ образомъ, въ архивныхъ данныхъ, какъ они же могутъ пролить свѣтъ въ несовсѣмъ еще разъясненную исторію зданій Кіевской Академіи и въ частности такъ называемаго *Мазепинскаго* корпуса ея, построеніе котораго одними приурочивалось къ 1693 году, другими не безъ основанія было отнесено къ началу XVIII вѣка. Въ печати долгое время единственнымъ свидѣтельствомъ о возведеніи Мазепою нржняго этажа такъ называемаго теперь стараго академическаго корпуса являлось замѣчаніе составленной въ названномъ столѣтіи описи Кіево-Михайловскаго монастыря, что „Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій истоци имѣніе свое на созиданіе Кіевскихъ училищъ, *яже на древнемъ Мазепы гетмана основаніи* красно архитекторомъ иноземцемъ соверши“ ²⁾; а за первоначальный видъ этого гетманскаго сооруженія принималось двухъэтажное, съ таковою же колоннадою предъ окнами и тремя на кровлѣ башенками зданіе, изображенное монахомъ Иннокентіемъ Щирскимъ на гравюрѣ, предназначавшейся для „заслуженнѣйшаго ректора“ Кіево-Могилянской коллегіи Прокопія Колачинскаго (1697—1701) г.), въ качествѣ презента ко дню его рожденія ³⁾. Въ недавнее время въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Кіево-Софійскаго собора, содержащемъ въ себѣ лекціи, чи-

¹⁾ О современномъ состоявіи и прошлой судьбѣ его см. въ книгѣ г. *Му-жина*: Кіево-Братскій училищный монастырь, стр. 127—129, 158, 208, 221, 223, 249—250, 263—266, 269, 273—282. Замѣчаніе проф. *Голубева* (Тр. К. Д. А. 1901 г. III стр. 317) касательно Богоявленской церкви, что „она въ архитектурномъ отношеніи перемѣнамъ не подвергалась, и поэтому нарочитыя рѣчи о ней излишни“, можетъ быть принимаемо только въ условномъ смыслѣ, съ значительными ограниченіями.

²⁾ Прот. *Лебединцева* „Историческія замѣтки о Кіевѣ въ Кіевск. Стар. 1884 г. № 10 стр. 231—232.

³⁾ *Ровинскаго* Д. А. Матер. для русск. иконогр., вып. I р. 22. Кіевск. Старина 1882 г., № 2 стр. 437—440.

танья въ 1698 и 1701 гг., среди замѣтокъ близко стоявшаго къ Киевской академіи современника было найдено извѣстіе ¹⁾, что каменные школы въ ней начали строиться весной 1704 г., а самый фундаментъ заложенъ былъ еще осенью 1703 г. Аскоченскій, имѣвшій въ виду, вѣроятно, то же самое свидѣтельство, прибавляетъ къ нему одну не безъ интересную подробность, будто стѣны выводились „подъ наблюдениемъ самого гетмана Мазепы, часто посѣщавшаго работы“ ²⁾. Съ точнымъ опредѣленіемъ времени построения Мазепинскаго корпуса должно было бы, повидимому, измѣниться и отношеніе изслѣдователей къ представленному на гравюрѣ Щирскаго зданію: не могъ же быть изображенъ на ней для Прокопія Колачинскаго, оставившаго въ маѣ—іюнѣ 1701 года ректорство въ Академіи, корпусъ, начатый постройкою при его преемникѣ Геденѣ Одорскомъ. Продолжая однакоже усматривать въ изображенномъ Щирскимъ зданіи первоначальный видъ Мазепинскаго сооруженія, думаютъ устранить отмѣченное хронологическое затрудненіе тѣмъ соображеніемъ, что гравюра поднесена была студентами Колачинскому, какъ бывшему ректору Академіи, когда онъ состоялъ уже настоятелемъ Киево-Никольскаго монастыря; что титулъ: (Collegii) Rector emeritissimus въ посвященіи къ гравюрѣ присвоенъ ему за прежнія заслуги Академіи, въ бытность въ ней начальникомъ ³⁾. Соображеніе находчивое, но фактическими данными не подтвержденное. Прямой же, непосредственный смыслъ посвященія, изображенія святыхъ и надписи, находящіяся на гравюрѣ ⁴⁾, скорѣе говорятъ объ об-

¹⁾ Впервые опредѣленно указано было въ сочиненіи проф. Н. П. Петрова: „Киевская академія во второй половинѣ XVII в.“, стр. 126; см. проф. Голубева ст. о Геденѣ Одорскомъ въ Тр. К. Д. А. 1900 г. III стр. 619—620.

²⁾ Аскоченскаго: Киевъ съ его древн. училищ., ч. I стр. 291—292.

³⁾ Голубевъ С. Т. въ ст. о Геденѣ Одорскомъ въ Тр. К. Д. А. 1900 г., III стр. 621; см. 1901 г. III стр. 368.

⁴⁾ Посвятительная надпись слѣдующая: *Labarum triumphale Triados trino virtutum theologiarum choro per tres divinissimos tutelares adumbrato illustre sub signis almae orthodoxae Kijouo-Mohilaeanae Palladis militantibus praefixum ac natales reverendissimi in Christo patris p: Procopii Kolaczynski eiusdem almi orthodoxi Collegii Rectoris emeritissimi intra ferias a deuic-tissimo suo nomini Innocentio Szczyrski, monacho O: D: B: praesentatum.* Надъ посвященіемъ гербъ съ инициалами Колачинскаго: P. K. R. C. M. K. (Procopius Kolaczynski Rector Collegii Mohilaeani Kijoviensis), а подлѣ него представлена Паллада со щитомъ въ правой и съ знаменемъ, въ видѣ

ратномъ, т. е., что она появилась на свѣтъ во время управленія Академіей Колачинскаго и была презентована ему, какъ дѣйствительному начальнику ея ¹⁾. Сообразнѣе съ хронологіей и вообще правдоподобнѣе было бы искать первоначальнаго вида начавшагося постройкой въ 1703—1704 гг. каменнаго сооруженія въ Кіевской коллегіи въ изображенномъ на нашихъ тезисахъ двухъэтажномъ большомъ зданіи, столъ напоминающемъ своимъ фасадомъ, голландскою кровлей и всей вообще структурой воздвигнутый Мазепой, перестроенный митр. Рафаиломъ Заборовскимъ и до сихъ поръ существующій старый корпусъ Кіевской Академіи... Признать первоначальный видъ Мазепинскаго корпуса въ зданіи, изображенномъ на нашихъ тезисахъ, мѣшаетъ лишь то, что послѣднее помѣщено граверомъ по южную сторону Богоявленскаго Братскаго храма, а первый находится на сѣверной его сторонѣ. Зубрижчикіи притомъ же украшалъ тезисы видами церквей, къ построенію или благоуукрашенію которыхъ Іоасафъ Кроковскій имѣлъ прямое отношеніе, и вотъ почему, при взглядѣ на зданіе, на нашихъ тезисахъ представленное, невольно возникаетъ мысль: не обязано ли оно своимъ существованіемъ только-что названному архипастырю? Не беремся за разрѣшеніе этого вопроса, какъ не намѣрены были входить въ подробнѣйшее разсмотрѣніе исторіи старинныхъ зданій Кіевской Академіи. Задачей нашей было сообщить на сѣздѣ въ Кіевѣ нѣчто изъ того, что можетъ послужить къ разъясненію прошлаго нѣкоторыхъ изъ его памятниковъ, но что до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ мѣстнымъ археологамъ.

А. Голубцовъ.

лабарума, въ лѣвой. Надъ знаменемъ изображенія лицъ св. Троицы: въ верхней частн его символическіе знаки вѣры, надежды и любви, а прямо подъ ними образы: ап. Петра, муч. Прокопія и Прокопія Декаполита, со словами въ ногахъ у двухъ послѣднихъ святыхъ: *Sur Aquilas tollis? tollis quid Roma Leones. — Tutior hoc signo Mohila Pallas erit.* Съ правой стороны Паллады воспитанники Академіи въ старомъ своемъ нарядѣ, безъ шапокъ, какъ бы привѣтствующіе своего вождя--знаменовосца. За ними въ отдаленіи двухъэтажный, повидимому, полукаменный корпусъ.

¹⁾ Ко времени ректорства Колачинскаго относили изданіе гравюры: о. прот. *Лебединцевъ* въ „Истор. замѣткахъ о Кіевѣ“ (Кіевск. Стар. 1884 г., № 10 стр. 231—232; см. 1882 г. № 2); *Ровинскій* Д. А. въ „Матеріал. для русск. иконогр.“ (предисл. стр. 3—4 къ 1-му вып.); *Мухинъ* Н. въ „Кіево-Братск. училищн. мон., стр. 134 прим. 2.